

ЛЕВОРАДИКАЛЬНЫЕ МОЛОДЕЖНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ЮГА РОССИИ

.....

Р. Х. Усманов, Р. З. Кинжуваев¹

В статье анализируется феномен леворадикальных политических образований в этнополитических процессах Юга России. Рассматриваются основные идеологические течения внутри молодежного леворадикального политического сектора. Приводится исторический обзор активности различных молодежных радикальных политических объединений левой ориентации в постсоветской России и потенциал их влияния на этнополитическую безопасность.

Ключевые слова: Юг России, этнополитические процессы, этнополитическая безопасность, левый радикализм, молодежные объединения.

In article the phenomenon of left-wing radical political groups in the South Russia ethno-political processes is analyzed. The author examines the main ideological directions within the left-wing radical youth political sector. The historical review of activity of various radical youth political associations of a left-wing orientation and their potential influence on ethno-political security is resulted.

Key words: South Russia, ethno-political processes, ethno-political security, the left-wing radicalism, youth associations.

Этнополитические процессы Юга России на современном этапе продолжают сохранять значительный конфликтный потенциал. Как считают эксперты, регион включает в себя «разнообразные по конкретным условиям субъекты Федерации, отличающиеся уровнем конфликтности действующих в них факторов и динамикой конфликтных процессов» [1, с. 75]. Вместе с внутренними причинами межэтнической напряженности все более острой становится

¹ Усманов Рафик Хамматович — доктор политических наук, профессор кафедры политологии Астраханского государственного университета. Эл. почта: usmanr@mail.ru

Кинжуваев Ринат Зинурович — аспирант кафедры политологии Астраханского государственного университета. Эл. почта: rinat.kinzhuvaev@gmail.com

Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 2012-1.2.1-12-000-3006-022 «Вызовы и угрозы этнополитической безопасности Юга России: Прикаспийский вектор социально-политической стабильности российского государства».

ся проблема неконтролируемой миграции в регион из стран бывшего СССР, способствующая обострению межэтнической напряженности и формированию этнической преступности. Неустоявшиеся факторы и особенности межнациональных отношений продолжают влиять на региональную политическую культуру и местную структуру социальных институтов, существенно замедляя формирование в регионе устойчивых агентов гражданского общества, призванных предупреждать и амортизировать конфликтные ситуации. Этнополитическая безопасность, таким образом, представляет собой ключевой элемент регионального развития, без которого невозможна современная положительная социально-экономическая динамика.

Следует отметить, что одним из инструментов снижения межэтнической напряженности и сохранения этнополитической безопасности Юга России может быть эффективное функционирование определенной части левых политических объединений, в том числе и молодежных, посредством дальнейшего развития основ гражданского общества. В этом случае вполне возможно некоторое ослабление степени вызовов и угроз национальной и этнической безопасности и обеспечение социально-политической стабильности Российского государства.

Если рассматривать истоки, основы и реальность молодежных политических движений левого толка, которые в определенной степени касаются данных процессов и могут влиять на них, то в первую очередь надо иметь в виду идеологические особенности этих групп. Они имеют интернационалистические основы, а также акцентируют внимание на социально-экономических факторах общественного развития и характеризуют национальный фактор как дезинтеграционный, а межэтнические конфликты — как имплицитно классовые.

В целом традиционные левые идеологии — марксистское учение и анархизм (анархо-коммунизм) — в своей классической интерпретации представляют собой радикальные течения, выступающие за коренное переустройство экономических отношений и общественного строя на основе обобществления собственности на средства производства с последующим мгновенным (анархизм) и постепенным (марксизм) отмиранием государства. В современную политическую эпоху левый политический спектр представлен как классическими социалистическими идеологиями — социал-демократизм, коммунизм, анархизм, так и современными синтезированными — анархо-экологизм, национал-коммунизм, левый либерализм и т. д.

Проблема прихода к власти левыми партиями и группами на протяжении всего XX в. решалась различными путями: от участия в парламентских выборах до терроризма. Наиболее успешной в современной истории оказалась стратегия создания партии большевистского образца как инструмента революционного свержения нестабильных политических режимов, наглядно по-

лучившая свою практическую реализацию в России в начале XX столетия. Следует отметить, что в российском политическом процессе конца 1990-х — начала 2000-х гг. наиболее активными агентами левого радикализма были не централизованные массовые партии, а молодежные политические объединения, деятельность которых существенным образом повлияла на технологии политической борьбы общественно-политических объединений в этот период.

Американские политологи Г. Алмонд и Г. Пауэлл основной задачей политических сообществ считают артикуляцию индивидуальных и групповых интересов граждан [4, с. 122]. В ходе этого процесса происходит трансформация исходящих от определенных социальных групп импульсов в виде мнений, ожиданий и стремлений в конкретно сформулированные требования. Общественно-политические объединения служат здесь институтом, способствующим публичному выражению позиций определенной аудитории, чьи интересы представляют данные объединения. За артикуляцией политического процесса, по мнению Г. Алмонда и Г. Пауэлла, следует фаза агрегирования интересов, которое представляет собой развитие артикулированных требований в конкретную систему актуальных и реально осуществимых мер и предложений [4, с. 156]. На этой стадии субъектом выступают наиболее влиятельные политические образования, как правило, партии, имеющие ресурсы для оказания давления на административные структуры. Исходя из классического представления о политических сообществах (партиях, организациях, движениях) как об объединениях, выражающих интересы конкретных социально-экономических групп или классов, левые политические объединения в современной политике призваны артикулировать и агрегировать интересы работников наемного труда.

Демократическая политическая система характеризуется наличием условий, необходимых для свободной артикуляции и агрегации гражданской активности. Здесь, в отличие от российского общества, общественно-политические объединения имеют все возможности (правовые, финансовые, политические) для участия в политическом процессе как полноправные политические субъекты. Так, леворадикальные образования, в том числе и молодежные, в странах Западной Европы имеют устоявшуюся социальную базу и практически результативные технологии политического участия. Например, легальные троцкистские группы традиционно наиболее активны в Великобритании и Франции, а анархистские — в Греции и Испании. Активисты таких объединений тесно взаимодействуют с профсоюзным и рабочим движением. Леворадикальные образования в этих странах имеют большой опыт политической борьбы и эффективную организационную структуру, позволяющую принимать участие как в забастовках, так и в избирательных кампаниях различных уровней.

Развитие политического процесса по направлению к демократизации в России в постсоветский период характеризуется неустойчивостью и перио-

дическими регрессивными тенденциями. Леворадикальные российские политические объединения, как показывает политическая история 1990-2000-х гг., проявляют себя преимущественно как субъекты артикуляции. В процессе агрегирования интересов целевых групп леворадикальные объединения участвуют редко, переговоры и консультации с органами власти не входят в число приоритетных элементов их политической стратегии. К тому же правовые ограничения легальной политической борьбы практически полностью дистанцируют любые радикальные образования от реального политического процесса в России. Как уже отмечалось, политическое агрегирование требует от своих субъектов достаточного политического потенциала, обусловленного авторитетом и ресурсным обеспечением, а большинство молодежных леворадикальных политических объединений нельзя охарактеризовать как крупных политических акторов. В результате молодые активисты компенсируют политическую нереализованность довольно агрессивными публичными акциями и использованием радикального дискурса.

Феномен левого молодежного радикализма и молодежного радикализма вообще тесно связан с социально-психологическими особенностями молодежи как социально-возрастной группы. Ю. С. Леонов катализирующим фактором молодежной левой протестной активности называет свойственное молодежи максималистское восприятие реальности, ведущее к характерному девиантному поведению и мышлению, проявляющемуся в нигилистических настроениях, неприятии окружающей действительности, чувствительности к любым проявлениям несправедливости. Особенно ярко это проявляется на Северном Кавказе (Дагестан, Кабардино-Балкария и др.), когда молодые люди от безысходности уходят в леса и подполье и подвергаются влиянию различных религиозных течений фундаменталистского толка. Для молодых леворадикалов вопросы социально-экономического и политического характера могут быть решены только посредством революционного переустройства общества [9, с. 38]. Как замечает исследователь, «многие проблемы, за радикальное решение которых выступают левацкие организации, действительно весьма актуальны — монетизация льгот, нарушение прав человека, отмена отсрочек от призыва в армию» [9, с. 38].

Вместе с тем, с точки зрения Ю. С. Леонова, немаловажным фактором, привлекающим внимание молодежи к леворадикальным течениям, является характерная для них культурно-эстетическая среда. Это «конспирация... образы революционеров и радикалов (от В. И. Ленина до Эрнесто Че Гевары, боевиков «Красных бригад» и антиглобалистов), ношение партийной символики (футболок, нарукавных повязок) и масок, эпатирующие «акции прямого действия» (забрасывание «антинародных» политических деятелей пищевыми продуктами, захват административных зданий, столкновения с политическими оппонентами), противостояние с правоохранительными органами» [9, с. 38].

Несмотря на приверженность каким-либо идеалам, политическая активность молодых людей, как правило, снижается с течением времени в силу возрастных изменений и естественного отхода от подростковой конфликтности.

Другой исследователь молодежной социальной активности Д.В. Громов считает важнейшей характеристикой молодежи «склонность к особому рода экстремальному поведению» [6, с. 67], которое проявляется и в осуществлении деятельности в рамках специфических «неформальных» групп, обладающих определенными идейными и символическими отличительными признаками [6, с. 69]. К подобным образованиям можно отнести и множество как право-, так и леворадикальных политических сообществ, не являющихся субъектами политического процесса, но имеющих атрибуты политического объединения. Помимо субъективных причин экстремального поведения молодежи, связанных с уже затронутыми возрастными психологическими характеристиками, Д.В. Громов выделяет и объективные причины, обусловленные «культурно-исторической ситуацией» [6, с. 67]. Так, генезис молодежных леворадикальных объединений в постсоветской России во многом определен процессом глубокой социально-политической трансформации государства и общества в этот период.

Молодое поколение России в начале 1990-х гг. становится аутсайдером как социальная группа в силу материальной необеспеченности и неприспособленности к новым общественным условиям и образует значительный политический ресурс для разного рода левых радикальных политических образований. «Неформальная» молодежь, субкультурный характер которой сложился во время эпохи «перестройки», составляет основу новых молодежных объединений. Различные нонконформистские левые общественно-политические группировки образовывали большое количество разного рода фронтов, союзов, ассоциаций и партий. Все они изначально не позиционировали себя исключительно как молодежные, однако кадровая политика и риторика организаций были направлены преимущественно на молодых людей. Наибольшей активности радикальный уличный протест достиг в октябре 1993 г., когда представители самых разных объединений оппозиционных президенту, от монархистов до анархистов, участвовали в защите Дома Советов. Впоследствии часть из них трансформировалась в иные общественно-политические образования, часть продолжала деятельность под своим брендом, с переменным успехом активизируясь на радикальном поле российской политики.

Левый политический спектр в России еще с конца 1980-х гг. формируется неоднородным как организационно, так и идеологически. Умеренное левое течение социал-демократизма в российском политическом процессе проявляется гораздо менее заметно, чем образования более радикального толка. Так, в 1990-х гг. на левом молодежном фланге выделялись два основных идеологических направления — сталинизм и анархизм, а в начале 2000-х гг. на волне

подъема мирового антиглобалистского движения заметно активизировались и троцкистские группы.

Сталинизм 1990-х гг. был представлен «комсомолами» множества легализованных и неформальных марксистско-ленинских объединений, представляющих собой в основном группы с характерными для леворадикальной политической традиции сектантскими особенностями функционирования. Активной публичной политической деятельностью эти образования, как правило, не занимались, ограничиваясь выпуском малотиражных печатных изданий. Наиболее активными молодежными объединениями внутри подобных образований были Всесоюзная Молодая Гвардия Большевиков Всесоюзной Коммунистической партии большевиков и Молодая гвардия Союза офицеров (МГСО) [16]. Отличительной особенностью этих объединений был пропагандируемый национал-патриотизм, а негласной идеологической установкой — свойственный большинству российских державников антисемитизм. МГСО одной из первых среди молодежных объединений стала использовать медиаресурсы в процессе своей деятельности, активно распространяя электронные материалы со своим пропагандистским контентом.

Также среди сталинистских групп наибольшую активность вплоть до середины 2000-х гг. проявлял Революционный коммунистический союз молодежи (большевиков) (РКСМ (б)) как молодежная организация Российской коммунистической рабочей партии — Российской партии коммунистов (РКРП-РПК). Это объединение имело все черты классической левой радикальной организации большевистского типа [7]. Печатный орган РКСМ (б) газета «Бумбараш» представляла собой радикальное молодежное издание, выполненное в стилистике «новых левых», что отличало его от аналогичных изданий других сталинистских групп. Образованный в 1997 г. РКСМ (б) имел достаточный потенциал для развития в массовую общественно-политическую организацию. Однако, образовываясь как декларативно революционное молодежное объединение, РКСМ (б) попал под влияние левых авантюристов, призывавших к террористической борьбе с правящим режимом. На базе РКСМ (б) около года (1997-1998 гг.) действовал так называемый РВС РСФСР (Революционный Военный Совет Российской Советской Федеративной Социалистической Республики). РВС РСФСР взял на себя ответственность за взрыв памятника Николаю II, «условный взрыв» памятника Петру I в Москве и проведение ряда других резонансных акций [7]. Также при поддержке РКСМ (б) осуществляла свою деятельность одна из самых известных террористических левых группировок в России конца 1990-х гг. — «Новая революционная альтернатива». Впоследствии в руководстве РКСМ (б) выделились троцкистско-маоистская и пропартийная группы, которые на протяжении нескольких лет вели внутриорганизационную борьбу между собой. В результате троцкисты и маоисты были исключены из объединения, но дальнейшая деятельность организации

не привела к значимым практическим результатам. В итоге к середине 2000-х гг. РКСМ (б) из наиболее влиятельного левого молодежного объединения трансформировался в архаичную сталинистскую группу. Этап наибольшей эффективности практической работы организации пришелся на конец 1990-х — начало 2000-х гг., когда ее активисты вели работу в очагах рабочего движения (Кузбасс, Воркута, Чернигов), участвовали в «рельсовой войне» шахтеров и других акциях протеста [7]. Однако политический потенциал объединения был растрачен на борьбу с «подрывными элементами» в ущерб практической работе. РКСМ (б) как наиболее догматичная «марксистско-ленинская» организация из всех левых молодежных не смог ответить на запросы конъюнктуры 2000-х годов, когда на политической арене удалось остаться только тем объединениям, которые в условиях ограниченности ресурсов эффективно начали использовать медиапространство и PR-технологии для функционирования и популяризации своего бренда. Во второй половине 2000-х гг. идеологические изыскания для актуальных леворадикальных объединений теряют свое принципиальное значение.

В 1999 г. крупнейшее сталинистское движение 1990-х гг. «Трудовая Россия» создает свою молодежную структуру во главе с С. Удальцовым — организацию Авангард Красной Молодежи (АКМ), который в 2000-х гг. стал наиболее узнаваемым леворадикальным брендом в стране [1]. АКМ, «как и все прочие «комсомолы» при сталинистских партиях, стремился к самостоятельности и в конечном итоге добился ее» [10]. Леворадикальная героика и уже отмеченная культурно-эстетическая среда — вот наиболее привлекательные черты АКМ для молодежи. Лидеры организации вели более последовательную и эффективную публичную политическую деятельность, чем другие молодежные объединения на левом молодежном фланге. Руководство АКМ активно применяло PR-технологии в своей работе и стремилось использовать любой подходящий информационный повод для популяризации собственного бренда. Яркие, эпатажные, отчасти агрессивные действия, столкновения с милицией, многочисленные «акции прямого действия» заставляют говорить об АКМ как о наиболее серьезном оппозиционном молодежном объединении. Но следование политической конъюнктуре приводит АКМ и к заметным идеологическим преобразованиям. Радикальная антикапиталистическая риторика к концу 2000-х гг. сменилась вполне либеральными требованиями свободы собраний и образования демократического парламента. Фактически АКМ — это уже не леворадикальная или сталинистская организация, несмотря на вполне революционную программу.

Объединение «несистемной» левой оппозиции в политический союз Левый Фронт (с 2008 г.), а затем и в партию РОТ Фронт (с 2010 г.) является попыткой руководства АКМ и РКРП-РПК объединить оставшиеся в стране раздробленные левые группы [8]. Однако очевидно, что эти проекты лишены реальной по-

литической и электоральной успешности. Популистское фразерство при практически отсутствующей пропагандистской работе с целевой аудиторией обрекает эти объединения на существование лишь в медийном пространстве. Подобные попытки объединения молодых левых в стране уже предпринимались. Когда избирательные кампании 2003-2004 гг. показали, что внимание к молодежным движениям существенно возросло, многие партии стали активно проводить свою молодежную политику. Создание молодежной левой коалиции Молодежный Левый Фронт (МЛФ) предполагалось как объединение прокоммунистических молодежных групп (Союз коммунистической молодежи Российской Федерации, АКМ, РКСМ (б), «Социалистическое сопротивление», Революционная рабочая партия) под патронажем КПРФ в рамках обновления имиджа партии. Среди наиболее заметных мероприятий, организованных МЛФ, следует отметить проведение ежегодных акций протеста «Антикапитализм», сопровождавшихся столкновениями с милицией и уличными беспорядками. Впоследствии руководство КПРФ прекращает развитие этого проекта, возможно, по причине того, что МЛФ мог стать конкурентом партии на левом фланге или быть использованным иными политическими силами [11].

Тем самым молодежные сталинистские группы, имея существенный политический и материальный ресурс в 1990-х гг., фактически утратили свое влияние к середине 2000-х гг., оказавшись неспособными вести последовательную деятельность согласно собственным политическим интересам. Во многом это связано со сталинизмом как набором идеологических установок. Свойственные сталинизму апологетика СССР, великодержавный патриотизм, антизападная риторика в начале 2000-х гг. стали использоваться в пропагандистских целях политической элитой страны. Национал-патриотизм перестает быть идеологемой политических маргиналов и приобретает государственный уровень. Как следствие, наиболее ортодоксальные сталинистские молодежные группы замыкаются в своей политической нише и практически никак себя не проявляют, другие же, следуя политической конъюнктуре, но претерпевая идеологические изменения, остаются субъектами политического процесса.

Функционирование сталинистских объединений в контексте этнополитических процессов Юга России на современном этапе, на наш взгляд, неэффективно, однако имеет положительный потенциал. Данные политические группы используют ярко выраженный просоветский реваншистский дискурс, который в условиях многонационального состава региона и сепаратистских тенденций 1990-х гг. воспроизводит идеологемы периода централизованного территориально-административного управления и крайне жесткой национальной политики, особенно в сталинский период. На современном этапе этатистские идеологемы в левом сталинистском варианте в этнополитических процессах Юга России не отвечают запросам как местной элиты, так и населения, про-

являющего все больше скепсиса относительно тенденции к углублению политико-экономической централизации. Но в то же время в случае формирования подобными объединениями наднационального, общегражданского проекта развития региона с равными условиями интеграции и снижением межнациональной напряженности ненасильственными методами эти группы могут рассчитывать на поддержку населения левых и консервативных взглядов.

Другая часть леворадикального фланга — анархистское движение претерпевает в России бурный рост в конце 1980-х — начале 1990-х гг., когда возникают наиболее многочисленные анархистские объединения: Конфедерация анархо-синдикалистов, Ассоциация движений анархистов, Федерация революционных анархистов, Федерация анархистов Кубани и ряд других. Идеологически анархизм также неоднороден. Внутри течения выделяются правые тенденции (анархо-индивидуализм, анархо-капитализм) и левые (анархо-коммунизм). В современную эпоху наиболее активным сегментом распространения анархистских идеологием является неформальная контркультурная молодежная среда. Однако здесь анархизм рассматривается скорее как стиль поведения, чем как политическая идеология. Тем не менее традиционно неформальная молодежь выступает главным кадровым ресурсом анархистских объединений.

Левый вариант анархизма в России возобладал к концу 1990-х гг., когда в среде контркультурных активистов стали популярными формы и технологии деятельности представителей разнообразных европейских левых автономных течений, главным образом милитант-антифашистов. Наиболее активное в России объединение анархистов — движение «Автономное действие» (АД) образовалось в 2000 г. после так называемого краснодарского дела, фигурантами которого были представители Федерации анархистов Кубани, обвиненные в подготовке покушения на губернатора Краснодарского края, национал-патриота Н.И. Кондратенко [10]. Создание АД было призвано осуществить ребрендинг российских анархистов, произвести идеологические корректировки относительно современных западных леворадикальных тенденций, которые в большинстве своем полностью копировались [3]. Идеологическая установка АД на борьбу со всеми формами дискриминации и подавления личности существенно разнообразила и технологический характер деятельности российских леворадикалов. Различного рода экологические акции, отстаивание прав сексуальных меньшинств, выступления за права животных стали неотъемлемой частью либертарного левого движения в России. Однако изначальная ориентация на полулегальные методы публичной деятельности приводит объединение к бессмысленному и бесперспективному уличному хулиганству без возможности участия в политическом процессе как серьезного актора. Также отрицание принципа партийности и подчинения меньшинства большинству, интерпретируемых как проявления авторитарности, на практике делает АД достаточно

аморфным политическим образованием, представляющим собой в значительной степени политизированное субкультурное сообщество [3].

Популярность среди молодежи движение обрело благодаря своей активной антифашистской деятельности, в том числе и силового характера. АД во многом способствовало развитию в России движения-субкультуры «антифа» как объединения молодежи для совместного противодействия деятельности неонацистов. В конце 2000-х гг. наметилась тенденция сближения анархистов с либеральным правозащитным движением. Это связано во многом с ростом ксенофобских настроений в обществе, которому и анархисты и правозащитники пытаются противостоять. Также немаловажен фактор усиления репрессивных мер по отношению к молодым антифашистам со стороны правоохранительных органов. Правозащитники часто предоставляют юридическую защиту «антифа».

Деятельность анархистского движения в современной России существенным образом зависит от настроения молодежных субкультур (панков, стрэйт-эджеров, левых скинхедов). В этом как преимущества, так и недостатки движения. С одной стороны, анархисты могут привлекать на свои мероприятия большое количество активистов благодаря массовости субкультур. С другой стороны, отсутствие четкой организационной и кадровой структуры делает объединение неспособным к продолжительной и конструктивной работе. Анархистское движение так и не смогло сформировать политически влиятельного явления во многом из-за того, что не имело серьезной социальной базы и ориентировалось на представителей контркультуры. Антиавторитарный дискурс анархистов остается непонятным для простых граждан, а совершенно эфемерные призывы к ликвидации государства как политического института, безусловно, лежат вне сферы интересов большинства населения России.

В этнополитических процессах анархистские группы придерживаются федералистских, а часто и сепаратистских позиций. Очевидно, в некоторых регионах Юга России с высоким уровнем конфликтности в кризисных условиях анархистские объединения могут найти достаточную кадровую базу для активного функционирования. Наибольшую опасность для этнополитической безопасности региона представляет соединение социального и национально-го протеста в русле автономизма, что может привести к формированию сепаратистских военизированных групп, как, например, ЭТА в Испании или ИРА в Ирландии.

Троцкистская альтернатива в леворадикальном движении постсоветской России в 1990-е гг. находилась в состоянии организационного формирования. Многочисленные левые группы, являясь российскими филиалами троцкистских интернациональных образований, пытались создать необходимый потенциал для формирования реально функционирующих организаций. Наиболее крупным из таких объединений оставался Комитет за рабочую демокра-

тию и международный социализм как российская секция Комитета за рабочий интернационал [15]. Господство сталинистских групп в левом движении 1990-х гг. делало троцкизм слабозаметным явлением в российской политике. Троцкистские объединения постоянно преследовали расколы, смена названий, сотрудничества и конфликты с международными левыми коалициями.

Характерная черта российских троцкистов в 2000-х гг., отличающая их от остальных российских левых, — активная работа в рамках международного антиглобалистского движения. При поддержке международного Фонда Розы Люксембург троцкистские группы проводят разнообразные совещания и конференции, посвященные проблеме развития антиглобалистских тенденций в российском левом политическом секторе. Активисты троцкистских объединений также принимают участие в организации и работе различных международных и российских социальных форумов и контрсаммитов «Большой восьмерки». Среди наиболее заметных публичных троцкистских сообществ следует отметить движение «Альтернативы», одним из инициаторов которого является профессор МГУ, теоретик социалистического движения А.В. Бузгалин [5].

Тема международной солидарности трудящихся имеет первостепенное значение для троцкизма как идеологической концепции. Троцкисты ориентированы на работу с профсоюзами, рабочими объединениями, трудовыми коллективами. На этом поле деятельности наибольших успехов добилась пермская троцкистская организация «Рабочая демократия», участвовавшая в стачечном движении региона [12]. Несмотря на то что среди троцкистских групп нет формально молодежных объединений, основу большинства подобных организаций составляет радикально настроенное студенчество. Более взрослые члены, как правило, являются политическими деятелями еще с советских времен.

Среди троцкистских групп с молодым членским составом стоит отметить «Социалистическое сопротивление» [15]. Это объединение, образованное на основе Комитета за рабочую демократию и международный социализм, в начале 2000-х гг. смогло проявить себя как достаточно организованная и идейная группа. Главными направлениями деятельности организации стали борьба с уплотнительной застройкой и жилищное движение. Некоторое время «Социалистическое сопротивление» было единственной молодежной левой организацией, не придерживающейся патриотических взглядов. Участие этой организации в проекте КППРФ «Молодежный левый фронт» носило скорее тактический, чем стратегический характер. В 2005 г. в организации происходит раскол. Ряд активистов во главе с руководителем московского отделения заявляют о выходе из организации на основании личных и организационных претензий. Отколовшаяся группа образует свое троцкистское объединение — Социалистическое движение «Вперед» [14]. После своего образования «впередовцы» начинают тяготеть к наиболее правой тенденции мирового троц-

кизма — манделистам. Они стоят на позиции децентрализации партийного строительства в противовес традиционному большевизму классических троцкистов. Менделисты более склонны к тактике деятельности современных автономных анархистов, функционирующих по схеме независимых друг от друга ячеек. «Вперед» являлось российской секцией старейшего троцкистского международного объединения «Четвертый интернационал». В марте 2011 г. происходит образование нового троцкистского объединения — Российского социалистического движения (РСД) путем слияния «Социалистического сопротивления» и ранее отколовшегося «Вперед». Таким образом, на данном этапе своего развития троцкистский сектор российского левого радикализма является относительно консолидированным [13].

Молодежные объединения троцкистского толка заметно уступают в численности и влиянии своим анархистским и сталинистским аналогам в силу ряда причин. Во-первых, разрозненность и конкуренция троцкистских образований между собой не дают в полной мере раскрыть весь потенциал активистов. Внутриорганизационная борьба руководства этих леворадикальных объединений превалирует в их деятельности. Во-вторых, нонконформистская культурно-эстетическая среда в троцкизме занимает намного меньше места, чем у других левых. В-третьих, необходимость международного признания для троцкистов имеет важное идеологическое значение, а для того, чтобы вести переговоры с иностранными партнерами и взаимодействовать с серьезными политическими субъектами, радикальная молодежь не располагает ресурсами. Административная деятельность часто становится наиболее проблемным элементом практической работы для молодых левых и вынуждает их искать внешнее шефство, как правило, со стороны более влиятельных объединений. В-четвертых, повседневная пропагандистская работа в молодежной рабочей среде, практикуемая троцкистами, недостаточно адаптирована к взаимодействию с трудовыми коллективами и не дает должного эффекта, тем самым троцкизм как политическое явление довольно сложен для радикальной молодежи. Он остается в России в значительной степени сферой рефлексии левых интеллектуалов и теоретиков.

Троцкистские объединения в этнополитических процессах Юга России не представлены. Во многом это связано с характером социально-экономической структуры региона, где традиционно преобладает аграрный сектор. В результате троцкисты здесь не могут в полной мере опереться на свою социальную базу в виде индустриальных рабочих. Также они предпочитают не отделять этнические конфликты от классовых, что в условиях исторически сложившейся сложной системы межнациональных отношений в некоторых субъектах региона может привести к неадекватным оценкам протекающих процессов и, как следствие, неэффективному функционированию этих политических объединений. В целом троцкистские группы, в отличие от других

левых, проявляют наименьший интерес к этнополитической проблематике в силу идеологических особенностей.

Таким образом, в итоге можно выделить общие черты, свойственные современному молодежному левому радикализму в России как социально-политическому феномену, в определенной степени влияющие и на этнополитическую составляющую политического процесса.

В первую очередь следует отметить субкультурность. Молодежи в процессе своей социализации свойственно образовывать специфические сообщества, действующие в определенном порядке, имеющие свои отличительные символы и знаки. Элемент игры здесь является определяющим. Реализация личностного потенциала для молодых людей становится возможной в пределах этого сообщества. Большинство радикальных политических образований в молодежной среде носят именно такой характер. Политическая организация в данном случае выступает как некий аналог подростковой компании или криминальной группировки, в рамках которой молодые люди самоактуализуются, свободно проявляют агрессивность, создают свои правила и нормы. Политическая деятельность становится занимательным досугом молодых людей, как, например, спорт или музыка. В некоторых случаях границу между политическим объединением и собственно субкультурой даже на практике определить очень сложно (анархистская среда).

Также определяющим до сих пор остается догматизм многих молодежных объединений. Поиск идейных ориентиров для молодежи часто ограничивается абсолютизацией определенных идеологических постулатов и неприятием иных концепций, что на практике препятствует созданию реально функционирующей левой политической коалиции и создает широкий спектр конкурирующих политических образований. В результате многие левые молодежные объединения выглядят парадоксально архаично в современную политическую эпоху. Определенными идеологическими границами леворадикального сектора политики могут быть описанные в данной статье сталинизм, троцкизм, анархизм и религиозный фанатизм.

Следует отметить, что леворадикальные молодежные объединения в современной России слабо справляются со своей функциональной ролью агентов артикуляции и агрегации интересов работников наемного труда как в силу внутренних организационных и субъективных причин, так и в силу особенностей политического процесса в стране. Более того, в этнополитические процессы данные объединения также слабо интегрированы. Однако их возможная роль в обеспечении этнополитической безопасности субъектов Юга России, на наш взгляд, существенно недооценена. Обозначим потенциально благоприятные аспекты функционирования подобных объединений в регионе.

Во-первых, леворадикальные объединения, в отличие от умеренных левых, не поддерживают перехода конфликтов в латентную стадию за счет админи-

стративного вмешательства. В данном случае работа леворадикальных объединений направлена на поиск истинных причин конфликтов, как, например, социальное неравенство или коррупция, выраженные в этнической структуре местного сообщества. Так, за мнимым раздражителем в виде этнокультурных различий может скрываться подлинная причина конфликта в виде социально-экономических противоречий. Эффективное функционирование левых объединений позволяет избегать возникновения непосредственно межэтнических конфликтов за счет переориентирования целевой аудитории с использованием своих каналов воздействия от этнокультурного к социально-экономическому фактору.

Во-вторых, леворадикальные объединения могут способствовать решению части проблем, сопутствующих миграционным процессам в регионе. Отстаивая трудовые права мигрантов, левые выступают агентами их социализации и интеграции в местное сообщество, что может снизить уровень этнической преступности в регионе. Объединение мигрантов в профсоюзные коллективы повысит уровень ответственности как работодателей, так и самих работников, способствуя конструктивному диалогу и правовому варианту решения конфликтов.

В-третьих, важно противостояние леворадикальных молодежных объединений националистическому популизму. В многонациональном регионе со сложными историческими этапами становления межнациональных отношений любая спекуляция на болевых точках этнополитических процессов может привести к крайне нежелательным результатам. Однако эффективная работа левых антифашистских объединений может лишить националистов социальной базы в первую очередь среди молодежи и не допустить формирования у целевой аудитории деструктивных идеологических установок.

В-четвертых, леворадикальные объединения подчеркнута нерелигиозны. Выступая за современное светское государство, эти группы крайне негативно относятся к религиозному фундаментализму, который представляет серьезную угрозу для этнополитической безопасности региона. Среди механизмов снижения социальной конфликтности левые видят не теократические, а социально-экономические преобразования. Данные идеологические особенности работы левых групп могут снизить градус религиозной ангажированности публичного политического дискурса в регионе.

Подобные желаемые результаты функционирования левых объединений в регионах Юга России возможны только при должном внимании к обозначенному инструменту сохранения этнополитической безопасности со стороны местного сообщества и властных структур государства. Если региональные элиты будут заинтересованы в работе агентов гражданского общества, прежде всего в виде независимых общественно-политических объединений, то их активная работа принесет свои заметные позитивные плоды. Очевидно, не все

левые группы нуждаются в поддержке местного сообщества, некоторые из них в определенных условиях могут артикулировать нежелательные требования и интересы, агрегирование которых сложно осуществить правовыми методами. Таким образом, этнополитическая безопасность Юга России — сложный феномен относительно стратегий акторов регионального политического процесса. Отказ от административно-силового варианта решения межэтнических проблем с региональной спецификой в пользу работы общественно-политических объединений несет немало краткосрочных рисков, однако является необходимым шагом для долгосрочного динамичного развития Юга России как региона с высоким уровнем этнополитической безопасности.

Библиографический список

1. Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Динамика регионального конфликтного процесса на Юге России (экспертная оценка) // Социологические исследования. 2007. №9.
2. Авангард Красной Молодежи. URL: <http://www.akm1917.org/>
3. Автономное Действие — Вики АЧК и АД. Вики по либертарному коммунизму. URL: <http://wiki.avtonom.org/index.php/>
4. Алмонд Г. [и др.] Сравнительная политология сегодня: мировой обзор/Г. Алмонд, Г. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон. М.: Аспект Пресс, 2002.
5. Альтернативы. URL: <http://www.alternativy.ru/>
6. Громов Д.В. Молодежь: конструирование экстремальности // Мужской сборник. Вып. 3: Мужчина в экстремальной ситуации. М.: Индрик, 2007.
7. История РКСМ (б). URL: <http://rksmb.ru/history.php/>
8. Левый Фронт. URL: <http://www.leftfront.ru/>
9. Леонов Ю.С. Жизненные стратегии молодых людей: массовые стереотипы и потребности их коррекции // Молодежная политика: зарубежный и отечественный опыт: Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2007. №16 (304).
10. Овсянников И. Критический путеводитель по российским левым. URL: <http://socialism.ru/old/index.php?id=1379/>
11. Пономарев И. Молодежный Левый Фронт: история и уроки. URL: <http://kremenchug-kpu.nm.ru/read/pl000002.htm/>
12. Рабочая демократия. URL: <http://www.revkom.com/>
13. Сайт Российского социалистического движения — РСД — Российское социалистическое движение. URL: <http://www.antikapitalist.ru/>
14. Социалистическое движение «Вперед». URL: <http://vpered.org.ru/>
15. Социалистическое сопротивление. URL: <http://www.socsopr.ru/>
16. Союз офицеров. URL: http://oficeri.ucoz.ru/index/oficialnaja_informacija_opo_sojuz_oficerov/0-2/